

ОТРАСЛЕВЫЕ РЫНКИ И РЫНОЧНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА

УДК 338.22:502.35

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА КОНСТРУКТИВНОГО ПАРТНЕРСТВА ГОСУДАРСТВА, БИЗНЕСА, ОБЩЕСТВА В ПРИРОДОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СФЕРЕ

Н. В. МЕДЯНИК

*Северо-Кавказский
федеральный университет
г. Пятигорск*

*e-mail:
natalya-medyanik@yandex.ru*

В статье предпринята попытка теоретического обоснования ключевой роли государства, бизнеса и общества, а также необходимости между ними партнерских отношений в природохозяйственной сфере. Рассматриваются конструктивные формы экологического сотрудничества ключевых субъектов в формате New Public Management, ГЧП, экологически ориентированных госзакупок и бизнес ассоциаций, механизма субконтрактации, «экономики участия», или партисипативной демократии домохозяйств, интернет-технологий.

Ключевые слова: экономика природопользования, природохозяйственная сфера, субъект природохозяйственных отношений, государство, бизнес, общество, партнерство, экологическая ответственность, экологическое сотрудничество.

Экологизация всех сторон общественной жизни и наблюдаемый в последние два десятилетия переход от осознания экологического фактора к его активному учету в хозяйственной практике и экономической политике, сопровождающийся повсеместным становлением «зеленого» сегмента мировой и национальных экономик, экологически ориентированной трансформацией поведения бизнеса и домохозяйств, ценностных ориентиров в общественном сознании, экологически детерминированных механизмов государственного регулирования и рыночного саморегулирования актуализируют научный поиск природохозяйственной проблематики в контексте активизации субъектной статусности, а также конструктивного партнерства государства, бизнеса и домохозяйств (общества) в системе экономических отношений по поводу присвоения, использования, охраны и воспроизводства экосистемных благ, обеспечивающих бесконфликтное взаимодействие общества и природы.

В свое время Д.А. Медведев справедливо отметил: «Право на нормальную окружающую среду – одно из основных прав человека. Создание подобной среды – это наша общая задача. Решить её без поддержки гражданского общества государство не в состоянии, и поэтому диалог между властью, с одной стороны, бизнесом и общественными организациями, с другой стороны, по этой весьма и весьма непростой проблематике крайне необходим» [24].

Между тем, генетико-исторический анализ теоретических воззрений по поводу субъектной статусности государства в общественных отношениях свидетельствует, что «роль государства в развитии экономики и общества в целом всегда рассматривалась, ... сквозь призму взаимоотношений интересов индивидуума и государства» [13] и, более то-

го, в попытке определить меру их компромиссного взаимодействия как основы для конструктивного партнёрства.

Подобные теоретические воззрения со всей очевидностью проявляются на практике, конституируя ключевую роль государства в природохозяйственной сфере, состоящую в:

– субъектности национально-государственных и персонификации общих интересов. Так, А.А. Пороховским справедливо замечено, что «экономическая роль государства, проявляет себя как выражение общественных интересов, а потому дальнейшее развитие рыночной экономики в значительной мере становится зависимым ... от оптимального для каждого отрезка времени сочетания общественных и частных интересов» [20]. Во внутренней экологической политике речь идет о сочетании интересов государства, бизнеса и общества по поводу сохранения качественных и количественных параметров экологических систем страны в целях удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений россиян, а во внешнеэкономическом аспекте реализации национально-государственных интересов полагает, что «здесь неуместны как умолчание, так и извинительный тон» [1], в особенности, когда речь идет о незаконном изъятии биологических ресурсов экономической зоны и континентального шельфа РФ, контрабандном вывозе охраняемых биологически объектов, трансграничном привносе на территорию страны загрязнителей, безвозмездном предоставлении мировому сообществу «экологических услуг», обеспечивающих благополучие мирового сообщества, пр.;

– нивелировании «рыночных провалов», поскольку, как известно, природохозяйственная сфера характеризуется имманентной несостоятельностью рынка, проявляющейся в ограниченности товарно-денежного обмена, стоимостных отношений, частной собственности; в территориальной локализации природных объектов и их ресурсном дефиците, ведущих к монополизации и деформациям в конкурентных отношениях. Например, государственное регулирование последних с учетом природохозяйственных интересов бизнеса позволяет в рамках механизма ценообразования, с одной стороны, возместить затраты на воспроизводство экологического блага, а с другой –, обеспечить получение рентного дохода: дифференциальной ренты 1 рода собственнику (государству) и дифференциальной ренты 2 рода хозяйствующему субъекту, в случае повышения доходности природопользования за счет разного рода инноваций;

– спецификации отношений присвоения, которая в экономической литературе [17, 33], в том числе применительно к природохозяйственной сфере, рассматривается в качестве прерогативы государства, особенно в условиях рынка, где наряду с объективным доминированием полной монополии присвоения обществом экосистемных благ возрастает роль отношений частной собственности по поводу их в качестве факторов и результатов производства, опосредованных рыночным обменом. С учетом отмеченных обстоятельств в аспекте партнерства общества, государства и бизнеса полагаем оправданным обеспечение государством консенсусной публично-приватной модели присвоения экосистемных благ в качестве объектов собственности и хозяйствования. В первом случае присвоение будет носить непосредственно общественный характер, а во втором – частно-предпринимательский. В рамках данной модели государством посредством создания институциональной среды обеспечивается консенсус экономических интересов по поводу природопользования – общества в качестве субъекта собственности и бизнеса в качестве субъекта хозяйствования. Конструктивная практика реализации подобной модели хорошо зарекомендовала себя на Аляске (США), где с конца 50-х годов XX в. отработывалась модель общественной собственности, распространившаяся почти на треть нефтесодержащей суши штата (103 млн акров), экономической формой реализации которой служит Постоянный фонд Аляски [27].

– стимулировании экологического бизнеса и рынка, взаимная обусловленность которых заключается в том, что бизнес, обеспечивая товарное наполнение рынка экологической продукции, работ (услуг), формирует рыночное предложение, а экологический рынок, посредством спроса, предложения, цены и конкуренции, стимулирует развитие подобного направления предпринимательства;

– институциональном проектировании, где роль государства состоит в формировании институционального поля природохозяйственной деятельности бизнеса и домохозяйств в императивах воспроизводственного подхода, устойчивого развития, инновационной доминанты. Подобная институциональная среда должна являть собой релевантность мер по разработке формальных законов и целенаправленному воздействию на формирование конструктивных неформальных природохозяйственных практик и, как результат, обеспечивающих полиморфизм форм собственности и хозяйствования, многоукладность природопользования, оптимальное сочетание государственного регулирования и рыночного саморегулирования, в полной мере учитывающих социально-экономические и культурно-исторические особенности территорий, наконец, обеспечивающих баланс экономических интересов ключевых субъектов природохозяйственных отношений – государства, бизнеса, домохозяйств. Очевидно, в институциональном проектировании за федеральным центром должно доминировать развитие формальных норм, причем без учета неформальных региональных практик, а регионы в большей степени должны корректировать неформальные практики, влияя на них, прежде всего, посредством регионального законодательства. Подобное является актуальным, например, для регионов Северного Кавказа, изобилующих уникальным природно-адаптированным этнохозяйственным опытом¹, предполагающим адекватное институциональное оформление.

Между тем, обеспечению конструктивного диалога государства, бизнеса и общества в природохозяйственной сфере должно способствовать совершенствование системы государственного управления (New Public Management), осуществляемое, как показывает зарубежная практика и ряд российских инициатив, по следующим направлениям [25]:

– предоставление государственных услуг на основании административных регламентов и в электронном формате. Например, по результатам мониторинга перевода федеральных услуг в электронный вид в 2012 году Росприроднадзор занял 2 место в рейтинге ведомств по числу разработанных и работоспособных интерфейсов для 17 государственных услуг, размещаемых по адресу <http://rpn.gov.ru/node/116> [6]. Для бизнеса с учетом высоких издержек предоставления государством природохозяйственных услуг², подобные инициативы являются весьма значимыми;

– широкое применение передовых информационно-коммуникационных технологий в государственном управлении. В частности, на сайте Минприроды РФ функционирует портал публичного обсуждения экологических законопроектов <http://www.mnr.gov.ru/online/>, а их независимая экспертиза осуществляется по адресу <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=77>. В рамках подобного направления реформ стимулированию партнерства государства, бизнеса и общества может способствовать применение краудсорсинговых технологий, позволяющих властным структурам привлекать общественность в обсуждение экологических инициатив и/или организовать общественную экологическую экспертизу. Например, позитивный пример реализации краудсорсинг-проектов явил Департамент природопользования и охраны окружающей среды города Москвы, проведя в период 3.09. – 25.11.2014 года по адресу <http://www.greenoffice.msk.ru> эколого-просветительскую акцию «Зеленый офис 2014», направленную на оказание помощи бизнесу во внедрении офисных энерго-, ресурсосберегающих технологий и выявление способов уменьшения экологического следа от функционирования офисных помещений;

– повышение открытости и прозрачности деятельности органов государственной власти. В фарватере данного направления реформ, например, Минприроды РФ размещает по интернет-адресам <http://www.mnr.gov.ru/regulatory/list.php?part=1101> ежегодные Государственные доклады «О состоянии и об охране окружающей среды РФ», <http://www.geomonitoring.ru> данные о состоянии недр РФ,

¹ Например, террасирование горных склонов в верховьях рек Черема, Чегема, Баксана, Кубани, Зеленчука, сооружение оросительных систем у балкарцев и карачаевцев, феномен адыгских садов, пр.

² По оценкам, ежегодные издержки отечественного бизнеса на получение эмиссионных разрешений составляют порядка 30 млрд. рублей (нижняя оценка). Ист.: Ховавко И.Ю. Система платежей за загрязнение в РФ как институциональная ловушка //Бюллетень «На пути к устойчивому развитию России. 2012. № 61. С. 34.

<http://www.rosleshoz.gov.ru/docs/other/79> Ежегодный доклад о состоянии и использовании лесов РФ за 2012 год. Следует признать, что экологическая информированность россиян, в частности по поводу реализации природоохранных инициатив государственными структурами неизменно растет. Так, проведенный ВЦИОМ опрос населения по вопросам развития водохозяйственного комплекса страны показал, что, например, о существовании государственной программы «Развитие водохозяйственного комплекса РФ в 2012 – 2020 гг.» («Вода России») знают 42% россиян, при этом отмечается рост доли (с 33% в октябре 2013 г. до 39% в марте 2014 г.) осведомленных об информационной работе с населением – пропаганде водосбережения и стимулировании участия в экологических программах [3];

– повышение уровня удовлетворенности населения результатами деятельности органов власти, качеством предоставления востребованных государственных (муниципальных) услуг, качеством жизни. Как известно, подобные публичные оценки деятельности местных администраций введены в России с 01.01.2014 года в ранге показателя – Удовлетворенность населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района) (процент от числа опрошенных), оцениваемого в ходе опроса местного сообщества по трем критериям удовлетворенности жилищно-коммунальным, транспортным обслуживанием, качеством дорог [11]. Между тем полагаем оправданным введение в оценочные параметры эффективности деятельности не только местных, но также региональных администраций¹ экологических показателей, с учетом значения которых осуществлять оказание грантовой помощи местному сообществу в реализации экологических проектов;

– повышение эффективности и результативности деятельности органов государственной власти. В рамках данного реформаторского направления, имея в виду дефицитность кадрового состава, обеспеченность которого, например, в Росприроднадзоре в 2012 году по инспекторским должностям составила 49,2%², и, как следствие, необходимость повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности в природохозяйственной сфере целесообразно предусмотреть более широкое привлечение экспертного сообщества и восстановление института общественных инспекторов.

Кроме того, как показывает мировая практика³, государство в статусе крупнейшего потребителя разнообразной продукции и услуг обладает стимулирующим экологически ориентированным спросом потенциалом, с одной стороны, и через него экологического бизнеса, с другой стороны. Подобным целям может служить система «зеленых» государственных закупок, организовать которую целесообразно в рамках Федеральной контрактной системы, обособив в ней «зеленое» направление и предусмотрев в Федеральных законах №94-ФЗ и №44-ФЗ регламентацию процедуры и требований к размещению экологически ориентированных госзаказов.

Ключевой функцией бизнеса как субъекта природохозяйственных отношений выступает корпоративная экологическая ответственность, теоретическое обоснование которой правомерно вести в рамках двух подходов: менеджериалистского -, обосновывающего

¹ В соответствии с указом Президента РФ от 21.08.2012 № 1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» в шкале оценочных показателей деятельности региональных администраций отсутствуют экологические критерии, в то время как в раннем указе Президента РФ от 28.06.2007 № 825 (ред. от 13.05.2010 № 579) «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ» значились 6 экологических показателей.

² От плановой численности в соответствии с Постановлением Правительства РФ «О предельной численности и фонде оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих и работников центральных аппаратов и территориальных органов федеральных органов исполнительной власти» от 28.01.2011 года № 39.

³ Так, в ЕС действуют как экологические требования при госзакупках (public procurement policies) на уровне Директивы Европейского Парламента 2004/17/ЕС от 31 марта 2004 года, так и правила экологически приемлемых госзакупок (green procurement policies) в большинстве стран-членов (в Австрии, Бельгии, Великобритании, Германии, Греции, Дании, Нидерландах, Франции). Аналогичная практика существует и во многих других странах, включая Канаду, Японию, Новую Зеландию, Мексику и США. Ист.: Устойчивое развитие в России /под ред. С. Бобылева, Р. Перелета. Берлин – Санкт-Петербург: Русско-немецкое бюро экологической информации, 2013. С. 22.

экологическую ответственность бизнеса в рамках теорий корпоративного экологического менеджмента [18, 35], и теорий социальной ответственности бизнеса (corporate social responsibility), рассматривающих взаимоотношения компаний с окружающей, в том числе природной средой, обществом в контексте эколого-ресурсных проблем и позиционирующих экологическое поведение бизнеса как составную часть корпоративных социальных инициатив [5, 12].

Содержательный смысл понятия «экологическая ответственность бизнеса», или корпоративная экологическая ответственность (corporate ecological responsibility) персонализирует предпринимательские структуры в качестве субъектов не только отношений присвоения экосистемных благ, но также отношений их рационализации, воспроизводства и природоохраны, обеспечивая выполнение экологических обязательств бизнеса перед обществом и государством. Учет их интересов позволяет, с одной стороны, обосновать субъектность предпринимательских структур в природоохозяйственных отношениях в рамках теории стейкхолдер-менеджмента [10, 22], а с другой-, говорить об институте экологически ответственного корпоративного гражданства, как модели хозяйствования, в которой бизнес как субъект природоохозяйственных отношений (среди других) обеспечивает бесконфликтное взаимодействие общества и природы [7, 19]. Как справедливо замечено «защита окружающей среды и успешная предпринимательская деятельность – это две стороны одной медали, мера прогресса нашей цивилизации» [30].

В природоохозяйственной практике подобные трансформации ориентируют бизнес на консолидацию совместных усилий предпринимательских структур, партнерство с государством, привлечение населения к реализации экологических бизнес инициатив и проектов.

Конструктивным субъектом партнерских отношений, как показываем мировая практика [32, 24], в том числе в природоохозяйственной сфере выступают ассоциированные структуры в формате бизнес-союзов. В РФ положительный пример подобных отраслевых объединений являют ассоциация «GreenСтрой», Союз органического земледелия, Ассоциация экологически ответственных лесопромышленников, Ассоциация экологического туризма, традиционными представителями отечественного бизнеса в экологическом диалоге с государством выступают Торгово-Промышленная Палата РФ, «Деловая Россия», Объединение предпринимательских обществ России, Российский союз промышленников и предпринимателей. Например, последний активно экспертирует законодательные новации в природоохозяйственной сфере¹, при поддержке Правительства РФ является со-организатором ежегодной конференции «Экологическая и промышленная безопасность: роль бизнеса и государства в снижении рисков». В перспективе подобным предпринимательским объединениям государство может передать часть регулятивных функций, например, в области экологических аттестации, сертификации, лицензирования, подготовки кадров, мониторинга, экспертизы, аудита.

Эффективным инструментом реализации «сопряженных активностей» государства и бизнеса в природоохозяйственной сфере может выступать государственно-частное партнерство (ГЧП), которое правомерно представить как качественно новую модель природоохозяйствования, формы реализации которого отражены в таблице.

В формате подобного механизма целесообразно оказание инвестиционной поддержки экологическим бизнес-проектам территориально рассредоточенными институтами развития, например, ассоциированными партнерами и филиалами федеральных структур таких, как Внешэкономбанк, ОАО «Российская венчурная компания», ГК «Фонд

¹ См.: Доклад об оценке регулирующего воздействия на проект ФЗ № 584587-5 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования нормирования в области охраны окружающей среды и введения мер экономического стимулирования хозяйствующих субъектов для внедрения наилучших технологий» URL: <http://media.rspg.ru/document/1/e/f/ef970d110d7d723da7cbed24e171c8e.pdf>, Замечания и предложения к проекту ФЗ «Об экологическом аудите, экологической аудиторской деятельности и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на согласование в федеральные органы исполнительной власти (от 23.01.2012 № 03-13-53/694) URL: <http://media.rspg.ru/document/1/f/8/f82f05b0730d6c94d949dd44c56892d.pdf>.

содействия реформированию ЖКХ», Фонд ЖКХ, ОАО «ОЭЗ», а также создаваемыми с 01.01.2013 года региональными инвестиционными фондами.

Таблица

**Механизм реализации государственно-частного партнерства
в природохозяйственной сфере**

Формы ЧПП	Собственность на объект ЧПП	Эксплуатация и содержание	Инвестиции	Коммерческие риски	Сроки	Сфера применения
Сервисные контракты (аутсорсинг)	Государственная	Государственный и частный секторы	Государственный сектор	Государственный сектор	1–3 года	Зеленый маркетинг, поставка экопродукции для государственных (муниципальных) нужд, благоустройство, озеленение территорий, сбор и транспортировка отходов, энергосбережение, установка и обслуживание ресурсных счетчиков, экологические туры, организация экологических выставок, конференций, зеленая реклама, др.
Управляющие контракты (менеджмент-контракты)	Государственная	Частный сектор	Государственный сектор	Государственный сектор	3–5 (8) лет	Обслуживание и содержание парковой инфраструктуры, архитектурных, природных памятников, зон отдыха, ООПТ, пр.
Аренда и временная передача прав	Государственная	Частный сектор	Государственный сектор	Государственный и частный секторы	5 (8) – 15 лет	Транспортные услуги (муниципальный пассажирский транспорт), переработка отходов, водопроводно-канализационная инфраструктура, теплоснабжение
Концессионные соглашения (различные типы)	Государственная-частная	Частный сектор	Частный сектор	Частный сектор	15–30 лет	Недропользование, дорожное хозяйство, строительство и эксплуатация объектов экологической инфраструктуры, систем водоснабжения, водоотведения, энергообеспечения, очистных сооружений, пр.

Очевидно, что партнерские экологические инициативы сопряжены с разработкой, реализацией и координацией многочисленных общественно и бизнес значимых программ/проектов, систематизация которых может быть осуществлена в рамках отраслевых, региональных и/или субфедеральных «Экологических проектных (дорожных) карт» с указанием источников финансирования, а также бизнеса и населения в качестве исполнителей. Равным образом подобным инструментом, с одной стороны, позволяющим идентифицировать инновационные возможности отраслей, регионов, стимулировать активность бизнеса, научного и местного сообщества в сфере экологических инноваций, а с другой -, выявлять приоритеты и согласовывать усилия бизнеса, государства, общества в целях экологической модернизации производства, выпуска экологически чистой продукции, оказания экологических услуг может служить создание региональных и/или отраслевых эко-технологических платформ¹ или интерактивных электронных площадок для взаимодействия экологически инициативных субъектов в формате бирж экологических решений².

¹ Подобные институты могут являться ассоциированными членами Технологической платформы РФ «Технологии экологического развития» См. подробно URL: <http://tp-eco.ru/o-platforme>.

² См. проект ПРО ООН Биржа инновационных решений URL: <http://www.undp.ru/index.phtml?iso=RU&lid=2&pid=223>.

Полагаем, этим целям может служить актуальная ныне концепция «зеленой» экономики, которую, например, на юге страны целесообразно реализовать в рамках комплексного мегапроекта «Устойчивый «Зеленый» Южный метарегион», охватывающего зеленые направления во всех сферах жизнедеятельности местного сообщества. Подобные зеленые проекты могли бы служить основой партнерских отношений государства, бизнеса и общества, а также инновационного развития Юга России, стимулируя предпринимательство и научные исследования в таких перспективных «зеленых» областях, как фармацевтика, натуральная косметика, органическое земледелие, агроэкотехнологии, энергосбережение, Smart-технологии, рециклинг, зеленый дизайн, производство экосистемных услуг, пр.

С целью стимулирования межотраслевых, межфирменных коммуникаций в реализации экологических производственных проектов целесообразно развивать механизм субконтракта, являющийся формой производственной кооперации, как правило, крупных и малых предприятий, поиск и квалификационный отбор которых в качестве партнеров ныне осуществляется на виртуальной бирже субконтрактов на общероссийском портале Межрегионального центра промышленной субконтракта и партнерства <http://www.subcontract.ru>, поддерживаемом НП «Национальное партнерство развития субконтракта» в сотрудничестве с ЮНИДО, а также Евразийским экономическим сообществом. Полагаем, подобный механизм экологических бизнес-инициатив в рамках производственной кооперации целесообразно создать, например, на юге страны в формате единой виртуальной площадки (биржи) на базе самого емкого на сегодняшний день виртуального рынка субконтрактной продукции Центра Субконтракта Ставропольского края по адресу: <http://www.stavropol.subcontract.ru/>, обособив в субконтрактном перечне экологический раздел производственных и сервисных заказов.

В декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию 1992 года поименовано: «Принцип 10 – Экологические вопросы рассматриваются наиболее эффективным образом при участии всех заинтересованных граждан на соответствующем уровне» [21].

Этому есть многочисленные основания как в экономической теории, так в экономической политике и хозяйственной практике.

Как известно, эволюция теоретических воззрений на эколого-экономическую роль человека ведет отсчет с основанных на методологическом индивидуализме традиционных представлений о «человеке экономическом», должном «добывать» обильный доход себе и доставлять государству или обществу доход, достаточный для удовлетворения общественных потребностей [23]. Подобный подход был развит в неоклассической теории, где «человек экономический», наделенный функциями субъекта, стремящегося максимизировать функцию полезности и минимизировать издержки, т.е. действующего рационально [2], был облечен в статус «человека рационального». Методологический холизм институционально-социального направления позволил рассматривать человека как биосоциальное существо, действия которого не только рациональны, но и являются производными формальных норм и неформальных правил – общественных институтов, которые отражают объективные структуры внешнего мира и субъективные стороны человеческой деятельности [28].

Между тем, современные теоретические воззрения все в большей мере основываются на синтезе перечисленных выше подходов, поскольку «человек экономический» и «человек институциональный» — «это не разные люди, а разные мотивы и ориентиры человека. Рационализм первого, в конечном счете, стоит на фундаменте ценностей второго» [29].

Кроме того, постиндустриальная стадия развития характеризуется глубокими изменениями в гражданском обществе, инициированными кризисностью экологических проблем и, как следствие, сопряженными с необходимостью экологизации общественного производства и формированием экологических потребностей, конституирующими новый тип человека «экологического» [4].

Следовательно, правомерно вести речь о возрастающем осознании человеком своего единства с природой, необходимости бережного отношения к ней, познания законов естественного мира.

Вслед за подобным осознанием назревает насущная необходимость в формировании системы участия гражданского общества, становлении механизма общественной поддержки, стимулировании общественной активности и гражданских инициатив в природохозяйственной сфере, тем самым речь идет о новом статусе домохозяйств, об «экономике участия» (*participative economy*, т.е. «партисипативная экономика»)¹, в известном смысле являющейся синонимом «экономической или производственной демократии» [9].

Например, в известном документе «Глобальная хартия зелёных» партисипативная демократия (демократия участия) поименована следующим образом: «Мы стремимся к демократии, в которой все граждане имеют право выражать свои взгляды и могут принимать прямое участие в экологических, экономических, социальных и политических решениях, которые затрагивают их жизни» [26].

В контексте природохозяйственной проблематики и роли общества в их решении заслуживают внимания исследования Элино́р Остром, лауреата Нобелевской премии в области экономики 2009 года за «анализ методик управления в экономике», доказавшей на основе убедительных теоретических выкладок и исторических данных, что коллективные объединения людей, вырабатывая определенные правила совладения и хозяйственного распоряжения общими ресурсами (пастбища, рыбные запасы в водоемах, почвенные воды, леса), способны обеспечивать длительное их сохранение и воспроизводство, согласовывать интересы членов сообщества и вырабатывать эффективные механизмы для принятия решений и принуждения к выполнению совместно установленных правил [31].

В рамках теоретических положений Э. Остром полагаем оправданным рассматривать различные формы коллективных сообществ граждан в природохозяйственной сфере в качестве эффективных субъектов собственности, управления и хозяйствования.

В этой связи созвучной нашему исследованию является сформулированная Д.С. Львовым идея института национального имущества, или института национального дивиденда [15]. Следует отметить, что институт национального имущества и дивидендного дохода может являть собой консенсусной механизм согласования интересов государства и общества, связанных с обеспечением социальных гарантий, ростом благосостояния и качества жизни граждан, отрывающимися возможностями их саморазвития и бизнес активности, а также сопричастности в форме индивидуальной собственности к национальным богатствам [8].

Наиболее очевидными формами гражданского участия в природохозяйственной сфере могут являться общественные экспертиза и контроль, благотворительность и самообложение граждан в рамках фондов целевого капитала, краудфандинг (сбор средств на адресные экологические проекты), механизм государственно-частного партнерства, национальные экологические лотереи, экологически ответственное потребление, разного рода кооперативные практики², молодежные инициативы³.

Между тем конструктивность подобных гражданских активностей во многом зависит от адекватной интересам общества государственной экологической политики, разработка и реализация которой с позиции поведенческой экономики осложняется рядом «ограничений», влияющими на человеческое поведение: «ограниченная сила воли» (*bounded willpower*), «ограниченный эгоизм» (*bounded self-interest*) и ограниченные когнитивные способности (*bounded cognition*) [14]. Так, «ограниченная сила воли», не позволяет человеку противостоять «искушению», формируя, например, расточительное потребление экосистемных благ (текущая под напором и капающая из крана вода, много-

¹ Как известно, теоретические основы подобной экономики были заложены в трудах американских учёных Джона Дьюи, Луиса Кэлсо, Элино́р Остром, адаптированы к российской специфике в трудах Бузгалина А.В., Колганова А.И., Иншакова О.В., Львова Д.С.

² Например, в Германии популярна инициатива совместного использования автомобилей, в США – установка автоматических прачечных. См.: Гришанова С.В., Татарина М.Н. Проблемы экологизации потребления и экологическая маркировка продукции // Вестник Алтайского государственного университета. 2013. № 9 (107). С. 148.

³ Например, в Австралии на протяжении ряда лет успешно реализуется национальный проект «Зеленая армия», объединяющий низовые экологические программы действий, участниками которых являются граждане в возрасте 17-24 лет, заинтересованные в защите их местной окружающей природной среды. URL.: www.environment.gov.au/green-армия.

численные источники освещения, нежелание сортировать мусор, еще), и обязывая государство рационализировать потребительское поведение домохозяйств, например, посредством лимитирования, налогообложения присваиваемых экосистемных благ.

Ограниченные когнитивные способности, все более доминирующие в силу нивелирования экологического образования и воспитания, а также по причине ограниченности знаний об естественных процессах, не позволяют человеку не только в полной мере осознать экологически ориентированные интересы, но и с их учетом принять оптимальное решение в быту и хозяйственной практике. Подобные обстоятельства делают значимыми образовательный, научно-технический, информационный компоненты государственной экологической политики как среди населения, так и бизнес сообщества. Этим целям, а также конструктивному диалогу государства, бизнеса и населения могут способствовать облачные интернет-технологии, позволяющие охватывать, в том числе в онлайн-режиме, многочисленную аудиторию в формате конкурсов, тематических обсуждений, видео-конференций, семинаров, профессиональных консультаций, в организации работы проектных команд, экспертных групп, пр.

Наконец, «ограниченный эгоизм», обуславливающий, в отличие от стандартных моделей экономического поведения, жертвенность индивида частью своего дохода, что, например, в природопользовании проявляется в готовности населения платить за не свойственные рынку экосистемные блага. Например, население балтийских стран, признавая ценность Балтийского моря, готовы ежегодно жертвовать на улучшение его состояния в среднем 17,4 евро/чел., или около 4 млрд. евро [16]. Подобную жертвенность населения государству, с одной стороны, следует поощрять, например, в рамках добровольных экологических трансфертных схем, лотерей, благотворительных программ.

Таким образом, современным трендом общественного развития служат сопряженные активности, партнерство, равноправный диалог ключевых субъектов природохозяйственных отношений – государства, бизнеса, общества, иначе консолидированное разделение между ними бремени экологической ответственности. В рамках подобной схемы государство выступает активным субъектом адекватной экологическим императивам экономической политики, а бизнес и общество (домохозяйства) хозяйственной практики. Кооперативно-партнерская модель отношений между государством, бизнесом и обществом в природохозяйственной сфере, институционально интегрированная, встроенная в экологические системы и обеспечивающая их структурную и функциональную целостность, предполагает, что общество существует благодаря природе, а природа благодаря обществу, всецело ответственному за природу. Подобная модель экологического сотрудничества все более осознается современным обществом, становясь существенным ориентиром его развития и дальнейшего благополучия.

Список литературы

1. Абалкин, Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л. Абалкин // Вопросы экономики. 1994. №12. С.6.
2. Автномов, В.С. Модель человека в экономической науке / В.С. Автномов. – СПб.: Экономическая школа, 1998. С.42.
3. Водное хозяйство России: проблемы и пути решения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114787>.
4. Газизуллин, Н.Ф. «Человек экологический»: к вопросу о новой методологии государственного управления развитием России / Н.Ф. Газизуллин, И.З. Гафиятов // Проблемы современной экономики. 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.m-economy.ru/art.php?nArtId=12.
5. Гизатуллин, А.В. Корпоративное управление, социальная ответственность и финансовая эффективность компании / А.В. Гизатуллин // Российский журнал менеджмента. 2007. Т. 5. № 1. С. 35–66.
6. Доклад «Итоги деятельности Росприроднадзора в 2012 году и приоритетные задачи на 2013 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://rpn.gov.ru/sites/all/files/documents/doklady/doklad_kirillova_itogi_2012_goda.docx.

7. Дынкин, А. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские перспективы / А. Дынкин, Д. Пискунов, С. Перегудов. – М.: ИМЭМО, 2004. 245 с.
8. Иншаков, О.В. Институциональная теория в современной России: достижения и задачи развития / О.В. Иншаков, Н.Н. Лебедева / в кн. Ежегодник. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2001. С. 11.
9. Конарева, Л.А. Трансформация экономики участия в XXI веке. Причины и последствия / Л.А. Конарева // США – Канада. Экономика, политика, культура. 2013. № 8. С. 96.
10. Косякова, И.В. Влияние стейкхолдеров на повышение экологической ответственности бизнеса организации в условиях рыночной конкуренции / И.В. Косякова // Вестник СамГУ. 2012. № 7 (98). С. 52-56.
11. Российская Федерация. Правительство. Критерии оценки населением эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления, унитарных предприятий и учреждений, действующих на региональном и муниципальном уровнях, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых находится в собственности субъектов российской федерации или в муниципальной собственности, осуществляющих оказание услуг населению муниципальных образований: постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317.
12. Кричевский, Н.А. Корпоративная социальная ответственность / Н.А. Кричевский, С.Ф. Гончаров. – М.: Дашков и Ко, 2008. 216 с.
13. Кузнецова, О.П. Об эволюции теоретических представлений о роли государства в обществе и экономике / О.П. Кузнецова, А.Д. Косьмин // Проблемы современной экономики. 2013. № 1 (45). С. 41-44. [Электронный ресурс]:– Режим доступа: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=4422>.
14. Либман, А.М. Социальный либерализм, общественный интерес и поведенческая экономика / А.М. Либман // Общественные науки и современность. 2013. № 1. С. 32.
15. Львов, Д. Экономика России на перепутье веков / Д. Львов, В. Макаров, Г. Клейнер. – М.: Управление Мэра Москвы, 2000. 87 с.
16. Люди готовы платить за улучшение состояния Балтийского моря//Пресс-релиз ЦЭФИР 02.07.2012. [Электронный ресурс]:– Режим доступа: <http://www.cefir.ru/index.php?l=rus&id=385> (дата обращения 25.01.2013).
17. Мудрецов, А. Экономико-правовые проблемы природопользования / А. Мудрецов // Экос-информ. 2001. №10. С.29-39.
18. Пахомова, Н.В. Экологический менеджмент / Н.В. Пахомова, К. Рихтер, А. Эндерс. – СПб: Питер, 2004. 544 с.
19. Перегудов, С.П. Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии / С.П. Перегудов, И.С. Семенов. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. 448 с.
20. Пороховский, А.А. Эпоха смешанной экономики / А.А. Пороховский // Политэкономия. 2001. 26 июня. С. 85.
21. Декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml.
22. Сергиенко, О.И. Формирование корпоративной социально-экологической ответственности бизнеса на основе анализа заинтересованных сторон / О.И. Сергиенко, А.С. Павлова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2011. № 1. С. 299-307.
23. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Эксмо, 2007. С. 419.
24. Стенографический отчет о заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, 15 марта 2012 года г. Самара [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/news/14776>.
25. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.
26. Хартия Всемирных Зелёных. Перевод с английского Аппаратом партии «Альянс Зелёных – Народная партия». С.3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian-greens.ru/sites/default/files/filepicker/781/hartiya_vsemirnyh_zelenyh.pdf.
27. Хикл, У.Д. Проблемы общественной собственности. Модель Аляски – возможности для России? / У.Д. Хикл. – М.: Прогресс; Анкоридж: Институт Севера, 2002. 359 с.
28. Ходжсон Дж. Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. 2008. № 8. С. 58.
29. Человек институциональный. Волгоград / Под ред. д-ра экон. наук О.В. Иншакова: Изд-во ВолГУ, 2005. С. 13-14.

30. Шмидхейни, С. Смена курса. Перспективы развития и проблемы окружающей среды: подход предпринимателя / С. Шмидхейни: Пер.с англ. М. : Геликон, 1994. С. 25.
31. Элино́р Остро́м. Управляя общим: эволюция институтов коллективных действий. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2010. 447 с.
32. Andrew A. King And Michael J. Lenox Industry Self-Regulation Without Sanctions: The Chemical Industry'S Responsible Care Program //The Academy Of Management Journal. 2000. Vol. 43. №. 4. P. 698-716.
33. Demsetz H. Toward a Theory of Property Rights // American Economic Review. 1967. Vol. 57. № 2. P. 347—359.
34. Sally Eden Regulation, Self-Regulation and Environmental Consensus: Lessons From The Uk Packaging Waste Experience // Business Strategy And The Environment. 1997. Vol. 6. P.232-241.
35. Welford R., Couldson A. Environmental Management and Business Strategy. London. 1993. 224 с.

THEORY AND PRACTICE OF CONSTRUCTIVE PARTNERSHIP OF GOVERNMENT, BUSINESS AND SOCIETY IN NATURE-ECONOMIC SPHERE

N.V. Medyanik

*North-Caucasian
Federal University
Pyatigorsk*

e-mail:

natalya-medyanik@yandex.ru

The article attempts a theoretical substantiation of the key roles of government, business and society, and the need for partnerships in nature-economic sphere. Considered constructive forms of environmental cooperation of key stakeholders in the format of the New Public Management, public-private partnership, environmentally friendly procurement and business associations, subcontracting, "economic participation", or participatory democracy household, Internet technologies.

Key words: environmental economics, nature-economic sphere, subject of nature-economic relations, government, business, society, partnership, environmental responsibility, environmental cooperation.